

Воспоминания о Николае Рубцове

I

Если жизнь начать сначала,
в тот же день уеду я
с Ярославского вокзала
в вологодские края.
Переседу через реку,
через тысячу ручьёв
прямо в гости к человеку
по фамилии Рубцов.
Если он ещё не помер,
он меня переживёт.
Если он ума не пропил,—
значит, вовсе не пропёт.
Я скажу, мол, нет покою,
разве что с тобой одним,

и скажу, давай с тобою
помолчим, поговорим.
С тихим светом на лице
он меня приветит взглядом.
Сядем рядом на крыльце,
полюбujemy закатом.

II

Мы были с ним знакомы как друзья.
Не раз в обнимку шли и спотыкались.
Его дорога и моя стезя
в земной судьбе не раз пересекались.
Он выглядел как захудалый сын
своих отцов, как самый младший, третий...
Но всё-таки звучал высокий смысл
в наборе слов его и междометий.
Он был поэт: как критики твердят,
его стихи лучатся добрым светом,
но тот, кто проникал в тяжёлый взгляд,
тот мог по праву усомниться в этом.
В его прищуре открывалась мне
печаль по бесконечному раздолью,
по безнадёжно брошенной земле,—
ну, словом, всё, что можно звать любовью.
А женщины? Да ни одна из них
не поняла его души, пожалуй,
и не дышал его угрюмый стих
надеждою на них хоть самой малой.
Наверно, потому, что женский склад
в делах уюта, в радостях устройства
внезапно упирался в этот взгляд,

ни разу не терявший беспокойства.
Лишь иногда в своих родных местах
он обретал подобие покоя
и вспоминал о прожитых годах,
как ангел, никого не беспокоя.
Он точно знал, что счастье – это дым
и что не породнишь его со Словом,
вот почему он умер молодым
и крепко спит в своём краю суровом,
на Вологодском кладбище своём,
в кругу теней любимых и печальных...
А мы ещё ликуем и живём
в предчувствии потерь уже недалёких.
А мы живём, и каждого из нас
терзает всё, что и его терзало,
и потому, пока не пробил час,
покамест время нас не обтесало,
давай поймём, что наша жизнь – завет,
что только смерть развяжет эти узы –
ну, словом, всё, что понимал поэт
и кровный сын жестокой русской музыки.